

HISTORY OF THE EAST

National History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Научная статья

Исторические науки

УДК 947:952

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-791-804>

Славянские и тюркские народы в концепциях ранних евразийцев¹

Александр Шайдаатович Кадырбаев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

kadyr_50@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0511-1095

Аннотация. Концепция Евразийства стала ответом части русских интеллектуалов, оказавшихся в эмиграции на Западе, на революционные события в России и приход к власти большевиков. Ставя себе задачу обоснования исторического единства огромных пространств, они выдвинули концепцию Евразийства, объясняя необходимость будущего единения народов Евразии на основе общей исторической судьбы. Евразию они пытались представить как целостное объединение тюркских и славянских народов, населяющих ее пространства, являющееся областью равноправия и братства народов, не имевших аналога в западной истории. Это объединение обладало самобытной культурой, ставшей общим достоянием народов Евразии. Впервые концепцию общей истории народов Евразии предложил П. Н. Савицкий. Она насчитывает пять периодов: попытка объединения леса и степи, борьба леса и степи, победа степи над лесом, победа леса над степью, объединение леса и степи в хозяйственном и политическом отношении. Рассматривая подходы Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилева и Э. Хара-давана, можно сделать вывод о том, что монгольское нашествие и влияние Золотой Орды на Русь сыграло не просто первостепенное, но исключительное значение для русской истории. Именно это вкуче с особенностями природы и ландшафтов, сходств менталитета и национальных качеств обусловило становление особой культуры политических отношений в Евразии.

Ключевые слова: Евразийство, славяно-тюркское взаимодействие, концепция славяно-тюркского единства

¹ Статья подготовлена по научной теме «История и культура тюркских народов Евразии» (FMNN-2024-0004)

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Для цитирования: Кадырбаев А. Ш. Славянские и тюркские народы в концепциях ранних евразийцев. *Ориенталистика*. 2024;7(4-5):791–804. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-791-804>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-791-804>

History studies

Slavic and Turkic Peoples in the Concepts of Early Eurasians²

Alexander Sh. Kadyrbaev

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
kadyr_50@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0511-1095>*

Abstract. Eurasianism was a response of some Russian intellectuals who lived in exile in the Western countries at the beginning of the last century to the revolutionary events in Russia and the Bolsheviks' rise to power. Setting themselves the task of substantiating the historical unity of vast spaces, they put forward the concept of Eurasianism, explaining the need for the future unity of the peoples of Eurasia based on a common historical destiny. They tried to present Eurasia as a holistic unification of the Turkic and Slavic peoples inhabiting its spaces, which was an area of equality and brotherhood of peoples that had no analogues in Western history. This unification had a distinctive culture, which was the common property of the peoples of Eurasia. P. N. Savitsky (d. 1968 Prague) was the first to suggest the concept of a common history of the peoples of Eurasia. It comprises five periods: an attempt to unite the forest and the steppe, the struggle between the forest and the steppe, the victory of the steppe over the forest, the victory of the forest over the steppe, the unification of the forest and the steppe in economic and political terms. Considering the approaches of G. V. Vernadsky (1887–1973), L. N. Gumilev (1912–1992) and E. Hara-Davan (1885–1941), one can conclude that the Mongol invasion and the influence of the Golden Horde on Rus' played not just a primary, but an exceptionally significant role in the Russian history. Together with the specific features of nature and landscapes, similarities in mentality and national qualities, this determined the formation of a unique culture of political relations in Eurasia.

Keywords: Eurasianism, Slavic-Turkic interaction, concept of Slavic-Turkic unity

For citation: Kadyrbaev A. Sh. Slavic and Turkic Peoples in the Concepts of Early Eurasians. *Orientalistica*. 2024;7(4-5):791–804. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-791-804> (in Russian).

² The article was prepared on the scientific topic “History and culture of the Turkic peoples of Eurasia” (FMNN-2024-0004).

Концепция евразийства возникла между двумя мировыми войнами в среде российской эмиграции на Западе, после Октябрьской революции 1917 года. Первыми объектами внимания евразийцев были почти совершившийся в 1918–1919 гг. распад Российской империи, а затем воссоздание этого государства под новым названием Союз Советских Социалистических Республик. Однако, по мнению евразийцев, воссоздание было проведено большевиками на основе их ложной коммунистической идеологии, а потому будет недолговечным. Исходя из данной посылки, они ставили перед собой задачу осознать и обосновать историческое единство огромных пространств, получивших тогда название СССР. Им казалось важным подчеркнуть основную идею защищаемого ими исторического единства — органического соединения Востока и Запада, Азии и Европы — «Евразии». Для евразийцев терминологическое определение «Евразия» было началом разносторонних (исторических, географических, этнографических, культурных, экономических) исследований евразийского единства [Вилента, 1988, с. 27–40].

В годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны в России и на территориях стран и народов, ранее входивших в состав Российской империи, евразийцы обнаружили слабость старых российских традиций, хрупкость казавшихся вековыми устоев. Идеолог российского евразийства Н. С. Трубецкой писал: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “русской культурой”. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось, и многие задумывались над причинами этого явления» [Трубецкой, 1920, с. 4].

Поэтому евразийцы выдвинули в качестве основополагающей идеи концепцию «России — Евразии», объясняя историческую ситуацию России быть Евразией — целостным единением многих народов, но в первую очередь славянских и тюркских, населяющих ее «степи и леса». Выразитель евразийских идей П. Н. Савицкий указывал на резкое отличие истории России от истории стран Западной Европы и призывал освободиться от европоцентризма в сознании и противопоставить культуре стран Запада культуру народов России. Евразия, по мысли П. Н. Савицкого, как самодостаточный культурно-исторический мир объединяет славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские, монгольские, иранские и другие народы. Евразия является областью равноправия и братства народов, не имеющих аналога в межнациональных соотношениях колониальных империй Запада. А евразийскую культуру можно представить себе в виде культуры, являющейся в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии.

Таким образом, именно П. Н. Савицкому принадлежит авторство в применении термина «Евразия» и его обоснование [Савицкий, 1921а, с. 104–125]. Самой постановке вопроса «Россия — Евразия», объяснению предназначения России быть Евразией принадлежит важное место в исторических теориях евразийцев, основателей концепции евразийства.

«Становым хребтом истории Евразии» названа евразийцами в их коллективном труде «Евразийство» степная зона, тянущаяся от устья Дуная до Тихого океана и населенная преимущественно тюркскими и отчасти монгольскими народами [Савицкий, 1993, с. 100–101].

Евразийцы настаивали на особом значении Евразии, указывая на ее пространственные масштабы и географическую природу. Евразийцы в связи с этим обосновывали ключевое влияние географических и социальных факторов на образование централизованного Российского государства. Учитывая то, что Русь располагалась в основном в лесной зоне и ей постоянно приходилось иметь дело с тюркскими народами степи, евразийцы положили в основу деления на периоды истории России «соотношение между лесом и степью» или славянским и тюркским миром. По этому принципу российская история делится на пять периодов.

Первый — с древности до 972 г. — попытка объединения леса и степи. Во время этого периода славяне и тюрки впервые выходят на историческую арену, причем, как свидетельствуют византийские источники, это происходит почти в одно и то же время. Так, византийский хронист Менандр сообщает в 579 г. о «важнейших князьях склавинского (славянского. — А. К.) народа» (см.: [Мишулин, 1941, с. 230–279]). А с тюрками, впервые упоминаемыми в китайских хрониках в 542 и в 551 гг., создавшими степную империю Тюркский каганат от Кореи до Черного моря с центром на Тянь-Шане, Византия уже в 567 г. обменялась посольствами. С этого времени славяне и тюрки сражаются против общего врага — Византии. В 907 г. князь Древней Руси Олег «прибывает свой щит к вратам Царьграда», как в древнерусских летописях называлась столица Византии Константинополь, ныне Стамбул. В княжение его сына Игоря в 941 и 944 гг., а затем и при его внуке князе Святославе восточные славяне совершают походы на Византию. В свою очередь, тюрки уже в IX в. сражаются с византийцами в Малой Азии, а в X в. волны тюркских кочевников до основания сотрясают «Второй Рим», ставя под вопрос само существование Византии. Тюркские племена печенегов, торков-огузов с северо-запада из причерноморских степей и туркмен-сельджуков с востока тревожили Византию. Казалось, из степей Центральной Азии, прародины упомянутых тюркских степных народов, из коренных огузских степей Приаралья протянулись две огромные клешни: на севере печенеги и торки, на востоке — туркмены-сельджуки, которые грозили, сомкнувшись с восточными славянами, раздавить Византию. Это и произошло в 965 г. с союзником Византии — тюркским Хазарским каганатом в Нижнем Поволжье, чья правящая верхушка приняла иудаизм, среди его подданных вместе со степными тюрками-хазарами, горскими народами Северного Кавказа была и часть восточнославянских племен, когда обитавшие в прикаспийских степях, где ныне Казахстан, тюрки-огузы (торки древнерусских летописей) в союзе с Древней Русью при правлении князя Святослава сокрушили Хазарское государство [Кляшторный, 1964; Зуев, 2001; Карамзин, 1989, т. 1, с. 45, 118, 126, 191, 272].

Второй период начинается с 972 г. и длится до нашествия монгольского Бату-хана, Батые древнерусских летописей, — внука Чингис-хана, на Русь в 1237 г. Он характеризуется борьбой леса и степи, когда Русь испытала натиск тюркских степных народов — печенегов, половцев древнерусских летописей (кипчаков мусульманских источников, команов европейских и византийских хроник, циньча китайских династийных историй), что нашло отражение как в древнерусских летописях, так и в бессмертном творении древнерусской

литературы «Слово о полку Игореве». Войны древнерусских князей с половцами, как и с их тюркскими предшественниками, сменялись союзами с ними, участием древнерусских князей и половецких ханов в междоусобицах друг друга, династийными браками. Примером последних может служить родословная основавшего в 1147 г. Москву князя Юрия Долгорукого, чья жена была половецкой. В 1223 г. половцы выступили в поход на монголов в составе объединенного войска древнерусских княжеств и вместе с ними испытали горечь поражения на реке Калке [Федоров-Давыдов, 1968, с. 47–48; Баскаков, 1985, с. 70–90].

Третий период длился с 1238 до 1452 г. — до времени основания Касимовского ханства в составе Российского государства. Он олицетворяет победу степи над лесом после монгольского завоевания Руси и создания Золотой Орды, в течение 250 лет повелевавшей древнерусскими землями; на ее территории в среде тюркских степняков со временем были ассимилированы монгольские пришельцы-завоеватели, их традиции государственности унаследовали восточные славяне и тюркские степные народы, разделившие общую историческую судьбу, развиваясь в единой системе связей, что сближало их. При всех ужасах ордынского владычества происходило взаимообогащение их культур, во многом определившее сходство их жизненного уклада и духовных ценностей. По мнению евразийцев, объединение русских земель в единое государство произошло в эпоху Золотой Орды и осуществлено это было не «русскими славянами, а монголо-туранцами (монголами и тюрками. — А. К.)» [Трубецкой, 1993b, с. 59]. Н. С. Трубецкой считал, что подлинное начало России как великого государства было положено не славянами и не варягами — выходцами из Скандинавии, сформировавшими первые древнерусские правящие княжеские династии в Киеве, а степными народами — тюрками и монголами. Евразийцы опровергали распространенное мнение о том, что, оказавшись в составе Золотой Орды, Русь остановилась в своем развитии. По их мнению, были радикально изменены пути этого развития и в итоге они привели страну к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в будущей евразийской державе, каковой и стала Россия. Поэтому евразийцы положительно оценивали период, когда Русь находилась в составе Золотой Орды: «Правда, сначала Северо-Восточная Русь была в этой (золотоордынской. — А. К.) системе вассалом. Но, как известно, к концу XIV в. Русь в лице Московского государства с полной несомненностью стала решающей силой в великом состязании «царств-наследников» Золотой Орды» [Савицкий, 1993, с. 103–104].

Четвертый период — 1452–1696 гг. (от возвышения Москвы и падения Золотой Орды до взятия Петром Великим города Азова, тогда османской крепости) — время побед леса над степью, когда «Русский Север» наступает на монголо-турецкий (монголо-тюркский. — А. К.) Восток: завоевание Казанского, Астраханского, Сибирского на Тоболе — ханств, поглощение башкирских владений и Ногайской Орды [Трепавлов, 1998, с. 91–109], а позднее, в XVIII–XIX вв., и Казахских жузов, Крымского ханства, ханств Средней Азии — Хивинского, Кокандского, Бухарского, благодаря чему постепенно из Великого княжества Московского образуется великая евразийская держава — Российская империя — на землях своей предшественницы Золотой Орды.

Пятый период — «распространение Российского государства до естественных пределов Евразии» (1696–1917) — взаимодействие леса и степи в «отношении хозяйственно-колониационном». Социальное и политическое развитие евразийской общности определялось борьбой между «лесом» и «степью», где «лес» постепенно брал верх. Однако эта борьба выявила значение тюркских кочевых народов в создании политической, материальной и духовной цивилизации, которая органически охватывала всю территорию Евразии.

Евразийцы стремились связать изучение географического фактора с постановкой исторических проблем, что им в полной мере удалось. Согласно евразийской точке зрения, большие евразийские территории, содержащие в себе колоссальные природные богатства, диктуют необходимость контроля, что неизбежно приводило к жестко централизованной системе управления.

Таким образом, вполне правомерно, что евразийцы начали переосмысливать роль восточных, прежде всего тюркских кочевых народов в истории России. Их заслуга состоит не только в том, что они включали тюркский степной мир в ее историю, но и в том, что посмотрели на саму эту историю не с Запада, глазами европейцев с позиции европоцентризма, а как бы из другого мира — тюркского, степного, азиатского. Это обогатило российскую науку, позволило осознать некоторые стороны русского исторического процесса, в частности — взаимоотношений России с тюркскими культурами. В связи с этим приверженцы российской концепции евразийства придавали большое значение географическому фактору, особенно огромным степным пространствам Евразии (откуда вышли все, причем, не только степные, тюркские народы, несмотря на современные места их обитания) на формирование русского национального характера. Именно в степной, а не в «лесной» или «речной» зоне, подобно тому, как это было и у тюркских степных народов, по мнению евразийцев, вырабатывались формы властвования, мышления и психологии, характерные для русской культуры.

В русском национальном типе можно обнаружить азиатские мотивы поведения: массовость и довольно часто иррациональность политических акций, наблюдаемые до сегодняшнего дня. Богатство природы и обширность территории повлияли на национальный характер русских, которым свойственны поистине материковый размах (русская широта), осознание органической связи общественной жизни с природной, взгляд на любые формы политической жизни как на нечто относительное. Формирование нации шло одновременно с образованием империи на огромных пространствах двух (даже какое-то время и трех материков — до уступки Северо-Американским Соединенным Штатам Русской Америки в 1860-х гг.), что наложило свой отпечаток на ход российской истории [Ланда, 1995, с. 66].

Исторический миф о «собирании» земель предполагает, что единый народ существовал как бы сам по себе, а затем объединился в едином государстве. На самом деле и на Руси, и в любой другой стране все происходило с точностью до наоборот. Государство, тем более имперского уровня, каковой была Золотая Орда, а затем ее преемник Государство Российское, объединившее изначально под своей властью разнородные племена и общины, постепенно превращало их в единый народ.

Следовательно, российская концепция евразийства включает в себя ряд исходных позиций: о существовании особого континента Евразии с особыми природными условиями, климатом и ландшафтом; о месте, где развивается народ, как категории, отражающей синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет; об определенном типе менталитета и нравственности народа, обусловленного местом, где он развивается; об особых условиях жизни и мировоззрении, порождающих и особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

В статье «Монгольское иго в русской истории» (1927) Г. В. Вернадский изложил концепцию истории в представлении евразийцев. Исследователь рассматривал историю России как неотъемлемую часть истории Монгольской империи. На его взгляд, главным результатом завоевания Руси монголами стало включение ее в социально-политическую и культурную систему Монгольской империи, что позволило Руси установить тесные связи с центром степи и окраиной азиатского континента. Г. В. Вернадский считал, что монгольское иго не являлось тяжелым бременем для России. В отличие от Польши и Литвы, установивших политическую власть на некоторых русских землях, Монгольская империя не вмешивалась во внутреннюю культурную жизнь некоторых регионов, в том числе русских.

Фундаментальный труд Г. В. Вернадского «Монголы и Русь» является вершиной теоретических исследований евразийской школы и повторяет многие позиции евразийских ученых по этому важному вопросу российской истории. Он поместил историю России в качестве ханского «вассала» в историю Монгольской империи и Золотой Орды. Г. В. Вернадский писал о минимальном разрушительном воздействии вторжения и дал положительную оценку влиянию монголо-татарского ига на организацию государственности России. По его мнению, «социальная классовая организация, возникшая в монгольский период, получила дальнейшее развитие и закончилась с образованием Московского государства».

Г. В. Вернадский отметил, что один из трех элементов власти на Руси — либеральный и демократический элемент, который играл ведущую роль в ограничении княжеской власти, был уничтожен. Ученый делает вывод: «Совершенно очевидно, что такая перемена не могла произойти за одну ночь. В самом деле, процесс трансформации свободного общества в общество обязательной повинности начался во время монгольского периода и продолжался до середины семнадцатого века». По его мнению, «внутренняя политическая жизнь Руси никогда не прекращалась, а только была ограничена и деформирована монгольским правлением». Традиционные отношения внутриполитической жизни Руси были полностью разрушены монгольским вторжением, а относительное значение и сама природа каждого из трех элементов власти (вечевой, княжеской, боярской) претерпели коренные изменения. В домонгольский период городские демократические институты процветали, но разрушения монгольского нашествия нанесли им сокрушительный удар. По мнению Вернадского, князьям и боярам удалось приспособиться к требованиям завоевателей, а горожане «вскипали негодованием при каждом очередном ограничении, вводимом новыми правителями». Поэтому монголы стреми-

лись подавить сопротивление городов и ликвидировать вече. Для этого новая власть активно использовала русских князей, которые и сами опасались революционных тенденций вече. Городские выступления подавлялись совместными усилиями князей и ханов. В итоге «власть вече, таким образом, резко сократилась, а к середине четырнадцатого века оно прекратило нормальную деятельность в большинстве городов Восточной Руси и не может рассматриваться как элемент правления».

Г. В. Вернадский затронул вопрос влияния ордынской ямской системы на формирование русской почтовой службы. Он поддержал идею евразийцев о прямом ордынском воздействии на формирование русской ямской системы. По утверждению исследователя татаро-монголы организовали совершенную почтовую систему, позволявшую имперским гонцам, иностранным послам и даже торговцам получать корм и транспортные средства на особых дорожных станциях. Свою почтовую систему ордынцы ввели на территории покоренной Руси.

В общественно-политическом развитии Руси Г. В. Вернадский также заметил влияние монголов. На большей части территории Руси монголы позволили местным князьям продолжать править своими княжествами. Монголы ввели новую единицу деления населения Руси — тумен. В каждом тумене существовала полная административная структура, отвечающая за набор воинов и сбор налогов. Эти должностные лица не принадлежали русским князьям и несли ответственность только перед ханским правительством. Ответственных лиц называли «даруги». Г. В. Вернадский считал, что среди всех отраслей княжеского управления монголо-татарское иго меньше всего затронуло судебную систему. Важным аспектом московской монархии, продолжающей монгольские традиции, является церемониал дипломатических переговоров. Русские ритуалы, в том числе дипломатические, во многом отражали монгольскую модель.

Г. В. Вернадский — наиболее авторитетный представитель евразийства. Его работы повлияли не только на теоретические построения евразийцев, но и на взгляды марксистов. Хотя научный уровень работы Г. В. Вернадского очевиден, он явно преувеличивал роль монголов в жизни Руси [Вернадский, 1927, с. 159]. Недостатком исследования Вернадского является ограниченность источников и высокая степень гипотетичности, что отметил В. В. Трепавлов [Трепавлов, 1993, с. 167–168].

Представитель евразийской школы Э. Хара-Даван (1885–1941) подробно изучил сходство между российскими и монгольскими социальными и политическими институтами. Он высоко оценил влияние монголо-татарского ига на Русь. Э. Хара-Даван поддержал тезис евразийцев о решающей роли монголов в формировании государственности России, указав, что чрезвычайное усиление княжеской власти и формирование единого Русского государства находились под влиянием монгольского владычества. Монголы дали покоренным русским землям самодержавие, централизм, элементы крепостного права и основные элементы будущей московской государственности: почтовые тракты, ямскую повинность населения, однообразное военно-административное устройство, податное обложение по десятичной системе. Кроме того, под влия-

нием монгольского владычества русские княжества и племена объединились, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю. «Монголы приступили к собиранию, к организации Руси, подобно своему государству, ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния». По мнению Хара-Давана, политика татар в отношении Руси была направлена на содействие формированию единого российского государства с целью сбора налогов и установлению стабильного вассального порядка на Руси по своему образцу.

Таким образом, Русь установила свою государственность и великодержавие под влиянием общей основы всей Монгольской империи — Ясы. Строгая и четкая модель управления, основанная на Ясе Чингис-хана, внушительная фискальная система оказали значительное влияние на национальную и социальную системы завоеванной страны. Монгольские правители помогли служащему им князю Северо-Восточной Руси стать полным правителем своего удела и устранить ограничения вечевое и боярского порядка. Завоеватели способствовали превращению городской и вечаевой России в сельскую и княжескую.

Кроме того, Э. Хара-Даван утверждал, что монголо-татарское иго также глубоко повлияло на культуру русского народа и способствовало укреплению православной церкви. Исследователь также отметил, что большое количество сановников ханства интегрировалось в Россию: «Монгольское иго внесло определенный процент монгольского происхождения в кровь русского народа». По мнению Э. Хара-Давана, монгольское иго для России являлось «превосходной, хотя и тяжелой школой, в которой выковалась московская государственность и русское самодержавие» [Хара-Даван, 1991, с. 180–203, 204, 226].

1980-е гг. отмечены возрождением интереса к евразийскому направлению благодаря трудам историка-этнолога Л. Н. Гумилева (1912–1992), который называл себя «последним евразийцем». По мнению Л. Н. Гумилева, Русь и Россия ни в какой период своей истории не могли быть определены как европейское национальное государство. На взгляды Л. Н. Гумилева во многом повлияли произведения Г. В. Вернадского. Концепция выдающегося исследователя значительно отличалась от взглядов, сформировавшихся в советской исторической науке в 1930–1970-е гг.

Л. Н. Гумилев отрицает татаро-монгольское иго в традиционном его понимании и не считает XIII–XV века эпохой безвременья и порабощения русского народа. Согласно его убеждениям, вторжение Батыея не является поворотным моментом в истории России, это всего лишь «монгольский рейд», или «большой набег, а не планомерное завоевание, для которого у всей Монгольской империи не хватило бы людей» [Гумилев, 1989, с. 532–533]. Разорение, вызванное завоеванием, было преувеличено. Последствия нашествия представляются Гумилеву незначительными: «Великое княжество Владимирское, пропустившее через свои земли татарское войско, сохранило свой военный потенциал» [Гумилев, 1989, с. 521].

Л. Н. Гумилев положительно оценил влияние монголов на политическое развитие русских земель. Он отрицал тезис о подчинении Руси Орде, полагая, что так называемого ордынского ига вообще не существовало. Отношения

между князем и ханом характеризуются исследователем как союз равноправного сотрудничества и симбиоз. Их политическая сущность заключается в следующем обстоятельстве: русские князья платили дань Орде, чтобы получить военную помощь. Отношения господства-подчинения между Русью и Ордой не обнаружены. Золотая Орда уберегла Русь от натиска как с Запада, так и с Востока. Русские земли вошла в состав Улуса Джучи, но их автономное положение не было ликвидировано. Русь сохранила свою самобытность и политическую независимость, на которую монголы не покушались. По мнению Л. Н. Гумилева, Золотая Орда сыграла активную роль в подавлении распрей между князьями и создала условия для образования новой великорусской нации.

Л. Н. Гумилев рассматривал московское самодержавие как наследие Золотой Орды. В результате русско-монгольского взаимодействия великий князь московский заимствовал у ордынских правителей новую норму поведения, в основе которой лежали строгая дисциплина, этническая терпимость и глубокая религиозность. Таким образом, великий князь заменил традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц для того, чтобы создать авторитарную монархию.

Вопрос о том, почему именно Москва оказалась в наиболее выигрышном положении, неоднократно ставился в российской науке. С точки зрения пассионарной теории этногенеза, предложенной Л. Н. Гумилевым, причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар, литовцев, русичей, половцев. Так, татары-золотоордынцы, бежавшие после переворота Узбека в Москву, составили костяк русского конного войска, которое впоследствии и обеспечило победу на Куликовом поле [Гумилев, 1994, с. 147].

Л. Н. Гумилев подверг критике взгляд Н. И. Костомарова на разделение России на южную республиканскую и самодержавную Великороссию. Н. И. Костомаров обвинил монголо-татар в задержке развития демократических принципов на юге [Гумилев, 2016, с. 147]. По словам Л. Н. Гумилева, Юго-Западную Русь покорили не монголо-татары, а литовцы. Л. Н. Гумилев также осудил С. М. Соловьева и В. О. Ключевского за объяснение отставания России от Европы ордынским игом и концепцию «борьбы леса со степью». По его мнению, европейцы отрицательно влияли на Русь: «Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления» [Гумилев, 2016, с. 157].

Таким образом, концепция Л. Н. Гумилева соотносится с разработками евразийцев. По мнению ученого, Батый заключил мир со своими оседлыми соседями. У Монгольской империи не хватило сил для проведения столь масштабного завоевания. Без «татаро-монгольского ига» отношения между ханами и князьями имели характер равноправного сотрудничества, а не правления и подчинения. Взгляды Л. Н. Гумилева получили большое распространение в странах СНГ. Так, например, в 1996 г. в Казахстане был открыт Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева.

С конца 1980-х гг. в российскую историческую науку стала возвращаться дискуссия, свободная от давления идеологии, открылся доступ к наработкам западной историографии. В России стали публиковать произведения евразийцев.

Завершая анализ взглядов евразийцев на исторический процесс, можно сказать, что представители этого направления придают факту монгольского нашествия и влияния Золотой Орды на Русь не просто первостепенное, но исключительное значение для русской истории. По мнению евразийцев, Русь являлась составной частью монгольского государства. Под непосредственным влиянием монгольской государственности, она превратилась в самостоятельное Московское государство. Россия, а затем и Советский Союз — это особый географический, этнографический и культурный мир, объединивший народы степей и равнин Евразии и ставший наследником могущественной державы Чингис-хана.

В целом взгляды евразийской исторической школы 1920 — начала 1930-х гг. сводятся к следующим пунктам: 1) признание большой роли монгольского фактора в объединении Северо-Восточной Руси; монголо-татарское завоевание рассматривалось как неотъемлемый исторический прогрессивный феномен; 2) вывод о значительном усилении княжеской власти как следствии монгольского влияния; именно монголы ослабили власть веча и бояр; 3) нивелирование разрушительных последствий монголо-татарского завоевания; 4) восприятие российской истории в тесной взаимосвязи с историей Монгольской империи; трактовка Руси в качестве одного из монгольских Улусов; 5) объяснение достижений русского народа в создании своей собственной уникальной национальной культуры и государственности благотворным влиянием Золотой Орды и «монгольской государственной мысли»; 6) идея о положительном влиянии религиозной политики Золотой Орды на развитие русской церкви. Несомненная заслуга евразийцев состоит в привлечении широкого общественного интереса к периоду господства Золотой Орды над Русью.

В евразийской концепции истории впервые в российской историографии поднимается проблема многонационального государства, что и поныне актуально как для России, так и для стран тюркского мира. Последователи российской концепции евразийства выделяли туранский (тюркский) тип как оказывающий определяющее влияние на евразийскую культуру вплоть до эпохи Петра Великого. Главная черта психологии тюркских степных народов, по их мнению, стремление к экстенсивности, что обеспечивало относительную культурную устойчивость данному типу, создававшую условия для сбережения национального потенциала. В целом евразийцы положительно оценивали влияние туранцев (тюрков) и монголов на развитие русского национального менталитета и государственности, подчеркивая заметную роль в их формировании Золотой Орды. При этом указывали: мы не славяне и не туранцы (тюрки), хотя в ряду наших предков есть и те, и другие, а — русские» [Трубецкой, 1993а, с. 95; Савицкий, 1921b, с. 4–7; Вернадский, 1927, с. 8.; Трубецкой, 1991, с. 35].

Список литературы / References

1. Баскаков Н. А. *Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве»*. М.: Наука, 1985 [Baskakov N. A. *Turcic vocabulary in "The Word of regiment of Igor"*. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].
2. Вернадский Г. В. *Начертание русской истории. С прилож. «Геополитических заметок по русской истории» П. Н. Савицкого*. Т. 1. Прага: Евразийское кн.

- изд-во, 1927 [Vernadskiy G. V. *The outline of Russian history. From the appendix "Geopolitical Notes on Russian History" by P. N. Savitsky*. Vol. 1. Prague: Eurasian publishing house, 1927 (in Russian)].
3. Вилента И. В. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев. *Вестник МГУ. Сер. 8: История*. 1988. № 1. С. 27–41 [Vilenta I. V. The Idea of Russian originality in historical conception of Eurasians. *Vestnik of MGU (Moscow State University Bulletin)*. Ser. 8: History. 1988, № 1 (in Russian)].
 4. Гумилев Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: «ФТМ», 1989 [Gumilev L. N. *Ancient Rus' and Great Steppe*. Moscow: "FTM", 1989 (in Russian)].
 5. Гумилев Л. Н. *Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи*. М.: Экопрос, 1994 [Gumilev L. N. *The black legend. The friends and enemies of Great steppe*. Moscow: Ecopros, 2005 (in Russian)].
 6. Гумилев Л. Н. *От Руси до России. Очерки этнической истории*. М.: Айрис-пресс, 2016 [Gumilev L. N. *From Rus' to Russia. The essays of ethnical history*. Moscow: Ayrisss-press, 2016 (in Russian)].
 7. Зуев Ю. А. Кыпчакский Урбе-хаи в эпосе и истории. *Древнетюркская цивилизация: памятники письменности*. Алматы: Гылым, 2001. С. 419–430 [Zuev Yu. A. Kipchak Urbe-khan in epos and history. *Ancient Turkic civilization: written monuments*. Almaty: Gylym, 2001, pp. 419–430 (in Russian)].
 8. Карамзин Н. М. *История Государства Российского*. Т. 1. М.: Наука, 1989 [Karamzin N. M. *The History of Russian state*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].
 9. Кляшторный С. Г. *Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии*. М.: Наука, 1964 [Klyashtorny S. G. *The ancient turcic inscriptions as source on history of Middle Asia*. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].
 10. Ланда Р. Г. *Ислам в истории России*. М.: Восточная литература, 1995 [Landa R. G. *Islam in the history of Russia*. Moscow: Nauka, 1995 (in Russian)].
 11. Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских авторов по VII в. н. э. *Вестник древней истории*. 1941. № 1(14). С. 230–280 [Mishulin A. V. The ancient slaves in essays of Greek-Roman authors during 7th century. *Vestnik of ancient history (Herald of Ancient History)*. 1941. № 1(14), pp. 230–280].
 12. Савицкий П. Н. Континент-океан. Россия и мировой рынок. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Статьи Петра Савицкого, Г. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского*. София: Типография «БАЛКАНЪ», 1921а. С. 104–125 [Savizkiy P. N. Kontinent-ocean. The Russia and market of the World. *Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The establishment of the Eurasians. Articles by Pyotr Savitsky, G. Suvchinsky, Prince N. S. Trubetskoy and Georgy Florovsky*. Sofia: Printing House "BALKAN", 1921а, pp. 104–125].
 13. Савицкий П. Н. Поворот к Востоку. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Статьи Петра Савицкого, Г. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского*. София: Типография «БАЛКАНЪ», 1921b. С. 1–3 [Savizkiy P. N. Turn to the East. *Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The establishment of the Eurasians. Articles by*

- Pyotr Savitsky, G. Suvchinsky, Prince N. S. Trubetskoy and Georgy Florovsky*. Sofia: Printing House "BALKAN", 1921b, pp. 1-3].
14. Савицкий П. Н. Евразийство. *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология*. Редакторы-составители: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 100-104 [Savizkiy P. N. Eurasianism. In: Novikova L. I. and Sizemskaya I. N. (eds and comp.) *Russia among Europe and Asia: Eurasian Temptation. Anthology*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 100-104 (in Russian)].
 15. Трепавлов В. В. *Государственный строй Монгольской империи в XIII веке. Проблема исторической преемственности*. М.: Наука; Восточная литература, 1993 [Trepavlov V. V. *State structure of the Mongol Empire in the 13th century. The problem of historical continuity*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 1993 (in Russian)].
 16. Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе). *Вестник Евразии*. 1998. № 1-2 (4-5). С. 97-109 [Trepavlov V. V. Turkic nobility in Russia (Nogai in the tsar's service). *Vestnik Evrazii (Herald of Eurasia)*. 1998. No. 1-2 (4-5), pp. 97-109.
 17. Трубецкой Н. С. *Европа и человечество*. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920 [Trubezkoy N. S. *Europe and Humanity*. Sofia: Russian-Bulgarian Publishing House, 1920 (in Russian)]
 18. Трубецкой Н. С. Верх и низы русской культуры. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Статьи Петра Савицкого, Г. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского*. София: Типография «БАЛКАНЪ», 1921а. С. 86-103 [Trubezkoy N. S. The upper and lower classes of Russian culture. *Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The establishment of the Eurasians. Articles by Pyotr Savitsky, G. Suvchinsky, Prince N. S. Trubetskoy and Georgy Florovsky*. Sofia: Printing House "BALKAN", 1921a, pp. 86-103 (in Russian)].
 19. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Статьи Петра Савицкого, Г. Сувчинского, кн. Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского*. София: Типография «БАЛКАНЪ», 1921b. С. 71-85 [Trubezkoy N. S. On true and false nationalism. *Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. The establishment of the Eurasians. Articles by Pyotr Savitsky, G. Suvchinsky, Prince N. S. Trubetskoy and Georgy Florovsky*. Sofia: Printing House "BALKAN", 1921b, pp. 71-85 (in Russian)].
 20. Трубецкой Н. С. Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. *Вестник МГУ. Сер. 9: Филология*. 1991. № 4. [Trubezkoy N. S. The legacy of Chingiz-khan. A look at Russian history not from the West, but from the East. *Vestnik of MGU (Moscow State University Bulletin)*. Ser. 9: Philology. 1991. N. 4 (in Russian)].
 21. Трубецкой Н. С. Общероссийский национализм. *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология*. Редакторы-составители: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993а. С. 90-99 [Trubezkoy N. S. All-Russian nationalism. In: Novikova L. I. and Sizemskaya I. N. (eds and comp.)

- Russia among Europe and Asia: Eurasian Temptation. Anthology*. Moscow: Nauka, 1993a, pp. 90–99.
22. Трубецкой Н. С. О туранском элементе и русской культуре. *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология*. Редакторы-составители: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993b. С. 59–76. [Trubezkoy N. S. About turanian element in Russian culture. In: Novikova L. I. and Sizemskaya I. N. (eds and comp.) *Russia among Europe and Asia: Eurasian Temptation. Anthology*. Moscow: Nauka, 1993b, pp. 59–76 (in Russian)].
23. Федоров-Давыдов Г. А. *Курганы, идолы, монеты*. М.: Наука, 1968 [Fedorov-Davydov G. A. *The buirial-mounds, idols, coins*. Moscow: Nauka, 1968 (in Russian)].
24. Хара-Даван Э. *Чингиз-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический облик Монгольской империи XII–XIV вв.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991 [Hara-Davan E. *Chingiz-khan as military lider and his legacy. The Cultural and historical appearance of Mongolian impire in 13th–14th centuries*. Elista: Kalmyk book publishing house, 1991 (in Russian)].

Информация об авторе

Александр Шайдатович Кадырбаев — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия; kadyr_50@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0511-1095>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена рецензентами 22.09.2024; принята к публикации 27.09.2024; опубликована 20.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alexander Sh. Kadyrbaev — Dr. habil. (Hist.), Principal Research Fellow at the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kadyr_50@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0511-1095>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 22.09.2024; accepted for publication 27.09.2024; published 20.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.